

«Урок кролика» и уроки истории

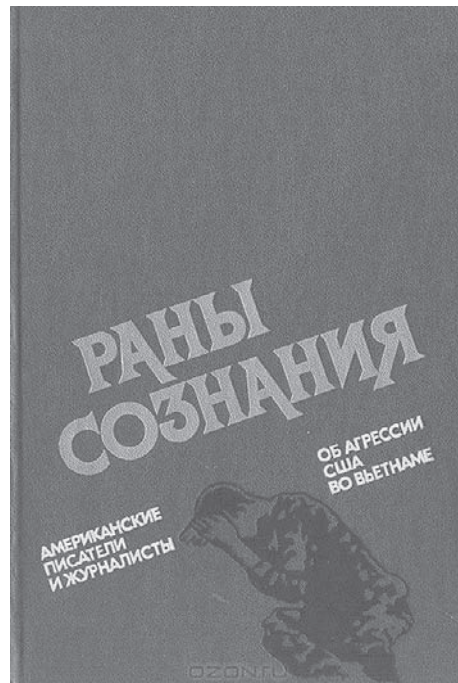
КОММУНИСТ 1986 № 1

«Иногда неформальный приказ убивать может быть передан символическим путем, как, например, в “уроке кролика”, который преподают морским пехотинцам. За день до отправки во Вьетнам, объясняя приемы ведения войны в джунглях, сержант держит перед собой кролика. За время занятия слушатели привыкают к кролику и начинают испытывать к нему симпатию, и тогда “сержант резко ударяет его по голове, сдирает с него шкуру, разрезает ему брюшко и... бросает внутренности в присутствующих”. Один из новобранцев вспоминает об уроке так: “Понимай это как хочешь, но это наглядный урок, который ты получаешь дома перед отправкой во Вьетнам”».

Этот выразительный абзац взят из эссе известного американского психиатра и журналиста Джея Лифтона «Раны сознания». Оно дало название выпущенному издательством «Прогресс» сборнику переводов, посвященному войне, которую США вели во Вьетнаме. В сборнике и роман, и нечто вроде повести, и репортаж, и документальные исследования, и публицистика. Авторы — американцы, те, что остались порядочными людьми и потому не могли принять вьетнамскую войну.

По причинам профессиональным мне пришлось постоянно и внимательно следить за тем, что происходило во Вьетнаме. Я мог предполагать, что достаточно хорошо знаю события, обстановку, атмосферу тех лет. И все же «Раны сознания» добавили существенно новые грани, новые краски в мои представления о самой позорной войне в истории Соединенных Штатов.

Раны сознания. Американские писатели и журналисты об агрессии США во Вьетнаме.
М.: Прогресс, 1985. 448 с.

Два, на мой взгляд, измерения являются главными, стержневыми для сборника. Во-первых, крайняя, предельная жестокость, бесчеловечность воевавших во Вьетнаме американцев, вопиющая аморальность их действий. И во-вторых, абсурдность, иррациональность того, что они делали в этой стране, алогизм их поведения практически на всех уровнях военного и политического руководства. Все мы помним трагедию Сонгми. 16 марта 1968 года рота «Чарли», приданная тактической группе полковника Баркера (11-я бригада легкой пехоты, дивизия «Америкал»), уничтожила в этой деревне 347 вьетнамцев. Вот как описывает преступление разнuzданной солдатни лауреат Пулитцеровской премии Сеймур Херш: «Сто американских солдат и офицеров брали деревню по всем правилам военной науки, наступая повзводно, рассчитывая вступить в бой с 48-м батальоном Вьетконга, одной из отборных частей противника. Вместо этого они обнаружили стариков, женщин и детей, многие из которых только-только начали готовить на завтрак рис на уличных очагах у дверей. В течение нескольких последующих часов жители деревни были безжалостно уничтожены. Одних согнали вместе и расстреляли. Других пошвыряли в дренажный канал на краю деревни и расстреляли там. Еще больше людей было уничтожено беспорядочной стрельбой прямо в их жилищах и во дворах домов. Девушек и женщин помоложе сначала насильовали, потом убивали. Расстреляв население, американские солдаты сожгли деревушку, методично поджигая дом за домом, перебили скот, уничтожили запасы продовольствия и загрязнили все источники питьевой воды» (С. 277). А вот как выглядит этот день в воспоминаниях одного из участников бойни в Сонгми: «Здесь, во Вьетнаме, людей убивают без всякой причины... В других условиях это показалось бы нам преступлением, а здесь ты идешь вперед и просто убиваешь их... И никто тебя не осуждает, наоборот, тебя подбадривают. Нормальная жизнь осталась в далеком прошлом. Ты превращаешься в животное, для которого существует только настоящее, которое перестало думать...» (С. 421).

Американские военные власти пытались скрыть преступление (исследование С. Херша, помещенное в книгу, так и называется — «Сокрытие фактов»). Но под давлением общественного мнения Пентагон был вынужден начать поиски козлов отпущения. В сентябре 1969 года лейтенанту Уильяму Л. Колли-младшему (командиру 1-го взвода роты «Чарли») было предъявлено обвинение «в преступлениях, предположительно совершенных против гражданского населения» (С. 308). В ноябре того же года создается комиссия по пересмотру предварительного расследования инцидента. Ее возглавил генерал-лейтенант Уильям Р. Пирс. 17 марта 1970 года Пирс объявил о том, что обвинения предъявлены четырнадцати офицерам. Первым в списке значился генерал-майор Сэмюэл У. Костер. В 1968 году он командовал дивизией «Америкал», а к моменту следствия был начальником Уэст-Пойнта, военной академии США. Костер обвинялся в несоблюдении уставов и нарушении служебного долга.

Тем временем дело Колли шло своим чередом. 31 марта 1970 года его приговорили к пожизненному тюремному заключению, которое через пять месяцев было заменено 20 годами тюрьмы. В сентябре 1974 года Колли освободили «за примерное поведение». Что же касается списка офицеров, об-

народованного генералом Пирсом, то с тринадцати из них обвинение было снято до суда. Одного все же судили, но оправдали.

Фактический отказ властей от наказания убийц в военных мундирах не вызывает удивления. Ибо убийства мирного населения были не исключением, а правилом.

Зарисовка журналиста Майкла Арлена. ...Дело происходит в офицерском клубе. Только что вернулся с боевого задания экипаж вертолетчиков. С ними беседует корреспондент телевизионной компании Си-би-эс Морли Сейфер. Цитирую: «Летчики улыбаются, они расслабились и отдыхают, расхаживая с пивными банками в руках. Все симпатичные ребята. Сейфер спрашивает: “Что вы чувствуете, когда убиваете людей подобным образом?”»

Капитан. Когда мы это делаем, я чувствую себя отлично. Появляется некое ощущение выполняемого долга. Единственный путь к победе, как я думаю, — это убивать их.

Третий пилот. Я вижу в людях обычную мишень. Понимаете, так же, как в Соединенных Штатах стреляешь в манекены, здесь стреляешь во вьетконговцев. Во вьетконговцев.

Перебивающий голос другого пилота. Именно во вьетконговцев. Вы стреляете во вьетконговцев, а не во вьетнамцев.

Третий пилот (смеется). Ну, хорошо. Стреляешь во вьетконговцев. Как бы то ни было, когда их преследуешь, видишь, как они убегают, попадают в рамку прицела, то это совершенно то же самое, как если бы там стояли деревянные манекены или что-нибудь еще. Просто нажимаешь большим пальцем на кнопку, выпускаешь пару ракет, словно это вовсе и не люди перед тобой» (С. 376—377).

Война — это война. На войне убивают. Но вот статистика: из каждых 100 убитых вьетнамцев 90 были мирными жителями. Это уже не война. Это организованное, спланированное варварство. Преступление. И психология заматерелых преступников: «просто» нажимаешь на кнопку, ...стреляешь в манекены, ... словно это вовсе не люди.

Но все-таки даже в животном, «которое перестало думать», теплится что-то человеческое. Американцам хочется оправдать себя. Нет, не вьетнамцев они убивают, а вьетконговцев, то есть солдат, бойцов Сопrotивления. Солдат стреляет в солдата — война по правилам. Так они говорят, хотя вряд ли сами верят своим же словам. Расисты в Америке оставались расистами и во Вьетнаме. Они презирали и тех, с кем пришли воевать, и тех, кого пришли защищать. Капитан Шайн в повести Уильяма Уилсона «Бригада Эл-Би-Джей» (в США отказались печатать эту повесть, она вышла впервые в Англии) называет вьетнамцев «желтыми черномазыми...» (С. 178). В этой же повести фигурирует такая «шутка»: «Вьетнамскую проблему можно решить только одним путем. Всех дружественных вьетнамцев погрузить на корабли и вывезти в Южно-Китайское море. Потом разбомбить страну в порошок. А потом затопить корабли» (С. 255).

Так ради чего же война? Официальный ответ: чтобы остановить коммунизм. Но каждый день, проведенный во Вьетнаме, разрушал пропагандистские стереотипы, забивал стандартные мифы жестокой, грязной реальностью. Монолог американского солдата, оказавшегося в Сайгоне: «Здесь продается все — спиртное, женщины, опиум. Мы еще не прошли и квартала,

как за нами увязалось несколько сводников. Оказывается, мы здесь, чтобы отстоять образ жизни сутенеров, шлюх и лакеев. Может быть, есть и другие, но эти другие не показываются, когда на улице солдаты» (С. 179). Однако открытие новобранца — «мы здесь, чтобы отстоять образ жизни сутенеров, шлюх и лакеев», в свою очередь, иллюзорно. «...Если думаешь выбраться живым, — учит сержант уму-разуму того самого новобранца, — запомни, что я тебе сказал. Выбрось из башки все, что тебе наболтали в Штатах. Ты не сражаешься против коммунистов... Ты не сражаешься за свободу, за Америку или за соседскую шлюху. Ты сражаешься, чтобы остаться в живых. В кого стрелять, разобраться проще простого, тут не ошибешься. Если не белый, знай себе пали. Это расовая война, малыш... Мы, белые, воюем против цветных. ...Позабудешь про это — и ты уже труп...» (С. 191).

Вот она, высшая мудрость: знай себе пали в «желтокожих», чтобы остаться в живых. Убивай, чтобы спастись самому. Неудивительно, что очевидная бессмысленность такой войны вела к деградации, распаду личности. Сознание многих не выдерживало нравственных перегрузок, постоянного, изнуряющего страха смерти, абсурдности, иррациональности происходящего. Наверное, ни одна война, в которой участвовали американцы, не дала такого количества психических заболеваний. «Каждый солдат мог рассказать вам, — пишет корреспондент журнала “Эсквайр” Майкл Герр, — какие психи все остальные солдаты в его отделении. Каждый знал солдат, сошедших с ума в разгар боя, в патруле, вернувшись в лагерь, в отпуске, а то и месяц спустя после возвращения домой. Помешательство стало неотъемлемой частью службы здесь, и оставалось лишь надеяться, что это не случится рядом с тобой, что никого поблизости не охватит безумие, заставляющее опорожнять обоймы в незнакомцев или подвешивать гранаты на дверях уборных» (С. 255).

Не все, конечно, сходили с ума. Но нравственная эрозия, отравление антигуманизмом, бесчеловечностью, высвобождение, прорыв на поверхность сознания звериного начала — это коснулось всех. Причины те же. «Моральное разложение американских солдат, — формулирует Джей Лифтон, — вызвано не только полной утратой нравственных ориентиров, но и абсурдностью происходящего, когда убийство становится нормой поведения, способностью найти ему оправдание... Ничто не могло создать ощущения осмысленных военных действий, напротив, они становились частью общей абсурдности, антисмысла» (С. 422). Такая несколько абстрактная постановка вопроса требует существенного уточнения. Именно потому, что для вьетнамских патриотов война была пронизана глубочайшим смыслом, именно поэтому американцев терзала бессмысленность происходящего. Их отторгала вьетнамская земля. Их ненавидели люди, которых они пришли защищать. Задача, которую они хотели решить, не имела рациональных решений. В явной, четко выявленной форме это осознавалось не сразу и далеко не всеми. Но ощущали, чувствовали это практически все. И на уровне солдат и на уровне генералов. Солдаты, как мы видели, сходили с ума, превращались в толпу убийц. Генералы утрачивали способность разумно руководить войсками, направлять ход военных действий. «...Ключевым словом в военной миссии было слово “контроль”, — читаем мы в “Репортажах” М. Герра. — Контроль над потоком оружия, контроль над информацией,

контроль над ресурсами, политико-психологический контроль, контроль над населением, контроль над принявшей сверхъестественные размеры инфляцией, контроль над территорией, обеспечиваемый проведением стратегического курса. Но когда смолкали речи, оставалось неизменно справедливым лишь одно: ощущение того, насколько все вышло из-под контроля на самом деле» (С. 245). Была хваленая американская техника, была сила, но сила эта оказывалась бессильной. «Иногда казалось, что обессилела сама война: произошло ослабление эпических размеров, полуобезумевшая военная машина катится куда-то сама по себе в состоянии полной депрессии, питаясь разжиженными остатками прошлогодних сил. Целые дивизии действовали как в кошмарном сне, проводя заумные операции без всякой логической связи с их основной задачей» (С. 251). Кстати, слова «кошмарный сон» едва ли не самые употребительные в описаниях событий во Вьетнаме. Как метафору их можно принять. Если при этом помнить, что «кошмарный сон» был порождением кошмарной яви. Американские авторы не только констатируют, не только рассказывают о том, что видели. Они хотят извлечь уроки из вьетнамской трагедии. Ищут причины обесчеловечивания американцев во Вьетнаме. Они хотят понять, почему великая Америка сама приковала себя к позорному столбу. В связи с этим называются культ насилия и расизм, без которых невозможно представить нынешнюю Америку и которые ведут к вырождению личности. Разумеется, мотивы, определяющие поведение лейтенанта Колли и поведение, скажем, президента Л. Джонсона, существенно различны. Но есть между ними и существенное сходство. О нем пишет «психоисторик» Джей Лифтон: «Анализируя происходившее во Вьетнаме с позиций психоистории, приходишь к заключению, что “искаженное восприятие действительности” американскими солдатами является прямым результатом искаженного представления о действительности в общенациональном масштабе. Это искаженное восприятие базируется на тотальной космологии, которая достигла апогея в послевоенные годы “холодной войны” и не потеряла силу и поныне и которая противопоставляет абсолютную американскую непорочность абсолютной коммунистической порочности» (С. 433).

Не правда ли, последний тезис звучит весьма свежо? Совсем недавно мы снова слышали об «империи добра», которая борется с «империей зла». И это подводит нас к главному, пожалуй, вопросу: чему научились американцы во Вьетнаме, какие все-таки уроки извлекли они из горького опыта вьетнамской войны? Одно время казалось, что этот опыт не прошел даром. Вроде бы стала спадать самоуверенность силы. Стали всерьез задумываться над тем, что социальные перемены, стремление народов к независимости вызваны к жизни не «кознями Москвы», а глубинными причинами. И что, следовательно, неразумно, бесперспективно использовать военную силу против хода истории. Стали вспоминать Вудро Вильсона, который говорил: «...Попытка остановить революционное движение, выдвинув армии, равносильна попытке остановить метлой половодье».

К сожалению, светлый промежуток был кратким. В последние годы США вернулись к временам тотальной антикоммунистической космологии. Крах вьетнамской авантюры объясняют теперь не изначальной ошибочностью цели, а всего-навсего недостаточно продуманным набором средств. Гово-

рят: жалели мы вьетнамцев, да и себя, слишком много внимания обращали на общественное мнение, воевали вполсилы, а надо было идти до конца...

В рамках общего неоконсервативного курса, ориентированного на социально-политический реванш, на своего рода ренессанс капитализма, Вашингтон открыто поддерживает контрреволюционные отряды, прежде всего в Никарагуа, Афганистане, Анголе и Кампучии. В рамках этого же курса ведется линия на то, чтобы сломать военно-стратегический паритет, получить превосходство над Советским Союзом и тем самым добиться решительного сдвига в соотношении мировых сил — сдвига в пользу капитализма, в пользу США. Вместо поисков политического решения актуальных проблем делается ставка на очередное «чудо-оружие» (теперь космическое), которое обеспечит абсолютную безопасность Америке и, значит (но об этом предпочитают молчать), абсолютную небезопасность для других.

Все это уже было. Все это мы уже слышали. «Знаменитости, возвещающие Судный день, обожевляющие технику маньяки, размахивающие химическим оружием, газами, лазерами, находящимися еще в проекте электроразвучными сверхновинками... И у каждого в глубине души мечта о последнем их прибежище — ядерной бомбе. Как они любили напоминать, что ведь есть она у нас, есть, “прямо здесь, на месте”» (С. 256). Так писал Майкл Герр в 1977 году. Так можно написать и в году 1986-м. Все возвращается на круги своя... Американские правые, те самые, что хотели бы дать внутри страны простор системе своего рода социального дарвинизма («на то щука, чтоб карась не дремал»), мечтают о возрождении «истинного патриотизма», который сразу после Вьетнама стал звучать как ругательство, и без тени улыбки толкуют о промысле божьем, якобы уготовившем США роль мирового лидера и мирового жандарма. Будем реалистами. Америка достаточно сильна. Империализм, реакция сопротивляются и будут сопротивляться. Поэтому и Чили и Гренада — модели событий, которые еще могут повториться в других местах и в другое время. Но это уже арьергардные бои прошлого с будущим, это уже не правило, а исключения. Правило — Вьетнам. Что бы там ни было, американцам не удастся приспособить мир к своим интересам, к своей политике. Рано или поздно им — и об этом напоминает Вьетнам — придется приспособливаться к миру, в котором они живут, и чем раньше, тем лучше.

И последнее. «Раны сознания» — не развлекательное чтение. Трагические, беспощадные страницы, тронутые горькой иронией. Тяжело их читать. Злость берет. Понимаю, что далеко не все американцы такие, как лейтенант Колли. Но есть и такие. Они было притихли после Вьетнама. А сейчас снова затянули американский вариант «...любер аллее». И поэтому рассказ о событиях уже почти двадцатилетней давности помогает лучше понять сегодняшнюю Америку. ◆